

Глава 1

АРКАН О, ДУРАК

Кристоф

*«Ее величество Пропасть, дай нам шанс,
Дай нам невесомость...»¹*

Мне никогда не нравились истории, которые начинались со звонка в дверь.

Это как начать книгу с пробуждения персонажа. Вот он чешет небритый подбородок, морщится, как и положено приличным мужчинам, бреется, пристально глядя в зеркало. Обязательно подмечает собственные пронзительно голубые глаза, и как хищно они сверкают на фоне почти черных волос. Ах, вот прядка выбилась, надо заправить за ухо (так мы отмерим длину волос, чтобы сразу стало ясно — они не короткие, а ровно той длины, чтобы нравиться подросткам, начитавшимся про вампиров. Едва не достают до плеч, чтобы все еще выглядело мужественно для читательниц постарше).

¹ Строки из песни «Невесомость» Roman Rain feat, Нуки.

Потом на мускулистое тело ляжет черная рубашка, и верхняя пуговица останется не при делах, так даже в книжках сексуальней выглядит. Про тугие джинсы и писать не стоит, куда без них. Все это обязательно перед зеркалом! Ведь вы каждое утро так делаете, правда?

Как же пошло! Вот со звонком то же самое.

Но в дверь навязчиво трезвонили. И тяжело отрицать, что именно так началась моя история. Я нервно заправил за ухо темную прядь.

Это был поздний вечер, и ледяной дождь барабанил по стеклу, как бешеный сосед в приступе безумия. Я сидел в полумраке, наслаждался бессмысленным потоком картинок по телевизору и раздумывал о том, что стоит покинуть Город. За последние недели улицы опустели, и противный душок страха окутал даже обычных людей. Они чувствовали, что близится крах. Это странное существо, высотой с небоскреб, которое брело по Проспекту с пока еще закрытыми глазами, не сулило ничего хорошего. Кажется, в древних преданиях оно и звалось предвестником апокалипсиса...

Или это очередная игра разума, глупая шутка какой-то ведьмы. И все старые легенды о пробудившемся Рое, вырвавшемся на свободу хаосе — просто сплетни. Я не знал и не желал знать истину. Честно говоря, я совершенно не понимал, почему не покинул Город еще месяц назад, как остальные дилеры, когда все это только началось. Но точно уеду завтра. Или послезавтра.

А тут звонок.

Я скажу еще одну пошлость, пусть она будет последней на сегодня — у меня внутри все перевернулось от этого звука. Предчувствие? Если бы ко мне в дверь звонила сама смерть, что в принципе невозможно, я бы чувствовал себя спокойней. Поэтому мое желание открывать застыло где-то между страстью к просмотру ве-

КОТЕРИЯ. ПРИСТАНИЩЕ ЗАБЛУДШИХ

черних новостей о политике и стремлением спасти китов в Тихом океане. То есть нигде.

Еще я подумал, мог ли этот звонок разрушить мою жизнь, если бы она у меня была. Нет, технически я дышал, смотрел телевизор, жевал пиццу и делал много других не менее приятных вещей. Но я не относился к числу живых людей. Хотя вот уже лет пятьсот я не относился и к мертвым. Наверное, к людям я тоже не причислялся, но это уже сложные теологические вопросы, которые я ненавидел, даже когда официально состоял в рядах служителей церкви.

Звонок верещал, а я глупо застыл со своей стороны двери, прислушиваясь к угасающему волнительному дребезгу где-то внутри. Ждал, когда уляжется незваная буря. Даже слухи о хаосе не вызвали во мне такое цунами.

Я сомневался, второй раз в жизни. А когда же был первый, спросите вы? Ну вот тот случай, когда я помер пятьсот лет назад.

И в тот момент, когда навязчивый звон умолк, я выкинул из головы неясные подозрения и распахнул дверь.

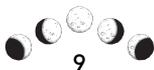
На пороге застыла девушка лет восемнадцати. Курносая брюнетка из американских фильмов шестидесятых — такая спокойно позавтракает у Тиффани, если сменит свою толстовку на что-нибудь приличное и, желательнее, разгладит глубокую морщину, гневно застывшую между бровями. Гневно ли? Я не мог подобрать термина точнее.

— Крис, — то ли спросила, то ли сообщила она.

По работе я встречал много людей, и уж точно не помнил каждого в лицо. Но ее бы запомнил.

— Допустим.

Она молчала, выжидающе глядя на меня. И с каждой секундой этой вынужденной тишины гневная морщинка пропадала, а глаза девушки становились все грустнее.

— Или заходи, или пока. Я не хочу стоять тут как чучело.

Пусть моя квартира и была единственной на верхнем этаже, торчать на пороге без дела я не любил.

И она решительно шагнула внутрь. Один раз шумно выдохнула. А потом, не останавливаясь, прошла в гостиную и застыла у панорамного окна на фоне разыгравшейся грозы. Одернула серую толстовку, но так и не вернулась ко мне.

Очередной раскат молнии осветил ее силуэт, и даже мне стало жутковато. Девушка не двигалась, не оборачивалась. И молчала.

Я вернулся на свой диван и вскрыл бутылку пива, которая успела согреться. Сделал мерзостный теплый глоток, выключил звук на телевизоре.

В этих резких всполохах мы провели еще какое-то время. Картина была настолько сюрреалистичной, что я потерял счет минутам. Все смотрел на нее и ждал чего-то — что она заговорит или что мы проведем вечность в странном застывшем молчании и неизвестности.

Я не знал, чего мне хотелось больше.

— Можно выпить? — она довольно грубо разорвала эту хрупкую магию.

— А тебе восемнадцать-то есть? — почти в тон ей ответил я, но не сдержал усмешку.

— Сделки заключать можно, а выпить нельзя? — Кажется, она тоже усмехнулась, но тон был грустный.

— Сделки честнее алкоголя. Ты знаешь, чем и за что платишь.

— И ради чего пускаешь жизнь под откос...

— Совершенно не обязательно, — привычно парировал я. — Если сделка обдуманная, а не импульсивный поступок.

— Иногда ты платишь больше, чем ожидаешь. — Она запнулась, но я продолжал молчать. — И получаешь со-

КОТЕРИЯ. ПРИСТАНИЩЕ ЗАБЛУДШИХ

вершено не то, за чем пришел. Мне уже есть восемнадцать.

На этой фразе она наконец повернулась. Темно-карие глаза были грустные под стать голосу и большие, как у олененка. От этой ассоциации что-то дернулось внутри.

Я не смог долго на нее смотреть, поэтому сходил на кухню и исполнил просьбу. Девушка неумело попыталась открыть бутылку.

Я понимал, что она пришла за сделкой и старается храбриться, но отчего-то совершенно не хотел помогать. Я не палач и, в сущности, даже не такой говнюк, каким меня хотят видеть. И срывать жизнь очередной импульсивной малолетки, — а связь с Котерией всегда выходит боком, — не хотел. У меня нет недостатка в клиентах, и я всегда найду, за чей счет выжить.

Даже смешно — я могу быть избирательным. Я могу оградить чью-то жизнь от себя, хотя и не должен.

— Выпей и уходи, — вдруг сказал я. — И не придется ни за что платить.

Но она осталась стоять, не сводя своих оленьих глаз с меня. Ну что за черт.

— А ты не думал бросить Котерию? Отказаться от сделок, дожить оставшиеся годы как обычный человек.

Я засмеялся. Уже не раз слышал подобную святую чушь, но так трогательно — впервые.

Растянулся на дорогом сером диване, стильно вписывающемся в стеклянный дизайн пентхауса. За панорамными окнами молнии всюю резали мрачный город, и я имел лучший вид на это бедствие. Жил ли я богато благодаря Котерии? Безусловно. Держался ли я за все это?

Деньги — пыль.

Так говорят те, у кого они есть, и я один из них. Но потратить деньги «с чувством» уже не смогу. Этот дар до-

ступен только людям, да и то не всем. Чем грязнее душа, тем меньше чувствуешь.

А я и вовсе не чувствую.

Потому что я не человек. Я — тень, след Котерии в этом мире, и никогда не буду свободен или жив.

— Дилеры — часть Котерии, детка, — надо же, я так смеялся, а сказанное все равно прозвучало грустно. Видимо, мы оба невеселы сегодня. Но этой девочке стоит уйти. — Моя минимальная плата — пять лет. Кто знает, может, это все, что у тебя осталось.

Сверкнуло совсем близко, и в огромных оленьих глазах мелькнул испуг. Я зацепился за это чувство, поднялся и резко приблизился. Я почти на голову выше и, нависнув над ней, выглядел достаточно угрожающе.

Не хочу сегодня работать. Не хочу портить эту малышку, позволять ей выбирать легкий путь. Не хочу думать, назначать соразмерную плату и забирать жизни.

Сегодня я не хочу ничего знать. Этот вечер для наслаждения грозой, глупым галдением телевизора и отсутствием мыслей. Почувствовать то, что ждет в конце пути любого усталого дилера — пустота.

Почувствовать, чтобы испугаться самому и максимально оттянуть тот момент, когда цирк закроется и образы чужих жизней перестанут мельтешить перед взглядом.

Я заполнил глаза чернотой, эта мелочь всегда так пугала людей. Я зацепился за ее страх перед грозой, мной или собственным выбором — не важно — и надавил. Хотел прогнать так, чтобы девчонка забыла дорогу сюда. Забыла слово «Котерия».

Из меня уже начала сочиться тьма, когда по ее лицу скатилась первая слеза. Нет, что-то было в этих глубоких карих глазах. Как у Бэмби.

— Крис, ты совсем меня не помнишь?

КОТЕРИЯ. ПРИСТАНИЩЕ ЗАБЛУДШИХ

Ее так и не вскрытая бутылка упала на пол, осколки разлетелись по всей комнате, а звук оглушил.

— Нет, — равнодушно ответил я, даже не попытавшись вспомнить. Я слишком устал.

— Мне очень жаль, — она кивнула и опустила голову.

Бросила последний взгляд на город с высоты птичьего полета и быстрым шагом дошла до двери.

— Найди способ уйти из Котерии, — сказала она напоследок и вышла.

А я, как дурак, застыл посреди комнаты под пляску теней из немного телевизора. Захотелось курить.

Минут десять спустя я вышел на улицу. Дождь больно хлестал по лицу, и до табачки я почти бежал. Поэтому впервые огляделся, только когда застыл под спасительным козырьком магазина.

Моя вечерняя гостя стояла под дождем на краю шоссе, задрал голову к небу. Может быть, сделка могла спасти ее жизнь — запоздало подумал я. Разное случается.

И уже хотел подойти, когда она сделала резкий шаг в сторону несущейся фуры.

Я отвернулся.

Я, равнодушно смотревший, как люди заживо сгорают на костре. Я, переживший весь ужас двух мировых войн. Я, спокойно глядящий на первый открывшийся глаз Ховало. Я... отвернулся.

А потом понял, что есть всего одна причина, по которой эта девушка могла меня помнить, а я ее нет. Всего одна причина, которая может стоять жизни и мне.

Визг тормозов, звук удара и истошный вопль стоящей рядом женщины долетели до меня как из тумана.

Глава 2

АРКАН 16, БАШНЯ

Кристоф

На самом деле эта история началась гораздо раньше. Лет пятьсот назад, в такой глуши, что уже не найдешь следов. История началась с совершенно другим мной.

Верил ли я тогда, что занимаюсь «правым» делом? Что спасаю души этих несчастных? Прошло столько

лет, сложно сказать наверняка. Проще отвечать «да» и больше не задумываться, как фальшиво это всегда звучало.

*Около 500 лет
назад*

Каждая деревня, где находили ведьму, была похожа одна на другую. Невежественная, грязная, вонючая. Будто ведьмы специально выбирали себе самое мерзкое болото из имеющихся. Господь знает, чем я заслу-

КОТЕРИЯ. ПРИСТАНИЩЕ ЗАБЛУДШИХ

жил такую немилость, как эта. Почему именно я должен ездить в самую глушь...

Но эта деревня мне запомнится навсегда. Тишина, встретившая меня на въезде, преследовала все время. Мертвенная тишина посреди оживленного дня, будто неслла траур по селянке, которую должны сжечь. Не орали птицы, не бегали дети, и даже привычный смрад покинул центральную улицу.

В тот день я ничего этого не замечал, но позже застывшая картина навсегда поселилась в моей голове.

Нещадно палило солнце, и уже оно могло сжечь не хуже любого костра. Ведьму привязали в центре маленькой мощеной площади, но я не бросил и взгляда в ее сторону, скрывшись в прохладе дома, где меня ждал ее муж.

Селяне молча рухнули на колени, когда увидели меня. Я привычно перекрестил их и застыл в ожидании. Странно, но даже здесь не пахло немывтым телом, будто они готовились к моему приезду.

— Святой отец, — вперед вышел самый молодой из них, — моя жена... эта ведьма... — Он снова упал на колени и громко разрыдался. Я видел такое сотни раз, муж, отдавший жену на костер. Так много, что это не вызывало во мне жалости.

— Она беременна, святой отец, — тихо закончили за него сзади.

Такое со мной было впервые.

— Вы уверены, что она ведьма? В чем обвиняют?

— Дьявол пометил ее, — на этих словах все трусливо склонили головы.

Помеченная — это был безоговорочный приговор. Жаль.

— Сожжем ее, когда родит, — равнодушно сказал я под испуганный вдох селян. — Долго осталось?

— Со дня на день, святой отец...

Ее муж так и не поднял головы, когда я выходил. И проклятая тишина следовала по пятам.

Ждать пришлось недолго, и ведьма разродилась к вечеру. Не знаю, отвязали ли ее от того столба на площади, но, когда я вернулся, она снова была там.

Я опять не смотрел. За свою бытность инквизитором я повидал многое. И уже давно не судил никого, хоть и садистского интереса никогда не испытывал.

Смотрели селяне, почти всегда. Для них огненное представление на площади было необычным разнообразием в рутине. Как бы отвратительно ни выглядели горящие кости, как бы мерзко ни пахло мясо, большинство не отворачивалось.

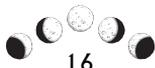
Я смотрел только во время приговора. Ровно столько, сколько положено, чтобы перекрестить, произнести последнюю молитву и отправить душу на суд божий.

Как сейчас говорят — ничего личного. Ни она, ни я не выбирали, кем нам быть. Мы стали тем, кем родились.

В существовании ведьм я не сомневался, потому что видел их как минимум каждый месяц. Сжигал чуть чаще... Но верил ли я в бога? В небесный суд и очищение, которое даруют эти костры? В справедливость, в конце концов...

В церкви нас учили, что мир прост. Что он поделен на добро и зло, на праведность и искушение, грех и покаяние. Эти постулаты не подвергали сомнениям, как то, что небо синее, а трава зеленая. Но я также знал, что трава бывает желтой, выгоревшей на солнце; коричневой, умирающей. Небо бывает облачным и грозовым, белым и черным. Еще с детства мой пытливый взор подмечал многое, но я хорошо умел молчать. Кажется, именно это качество ценилось превыше всего в те времена.

Ничего в этой жизни не бывает однозначно, кроме факта ее конца. А все, что до и после — хаос сознания и карнавал лицемерия.

КОТЕРИЯ. ПРИСТАНИЩЕ ЗАБЛУДШИХ

Солнце, нещадно палившее весь день, закатывалось за горизонт, но жара еще не сдавала позиций. Когда я шел до площади, мне было ужасно душно. Я обливался потом и мечтал скорее вернуться в столицу. Там мне наберут ванну. И мы с братьями помолим Господа о дожде за спасение очередной замаранной дьяволом души.

Все еще в коконе без запахов, почти без звуков я подошел к молчащей толпе у столба. Весь день вдруг показался нереальным, будто я спал. Должно быть, жара меня доконала.

Я читал молитву в полусне. Я крестил ее, не глядя.

Я подал знак зажечь огонь. Рядом вспыхнул факел, потом оранжевые блики заплясали на лицах собравшихся. Только тогда я поднял глаза.

И сном показалась вся моя жизнь до этого часа.

Я смотрел на ведьму, отправленную мною на костер. Темные волосы, развевавшиеся на невидимом ветру, пока не тронутые пламенем. Огромные, как два темных озера, прекрасные карие глаза. Тонкие черты лица, не искаженные злобой или невежеством. Да, дьявол забирал себе лучших, ведьма была прекрасна.

А она смотрела на меня в ответ до того момента, как боль заполнила ее сознание, не оставив там человеческого.

Я пытался отвести взгляд от последних секунд ее жизни и не мог. Внутри я кричал, но так и остался на месте, как незабываемый символ власти церкви над ересью и колдовством. Как победитель идиотской войны, которую никогда не хотел вести.

Ночь резко опустилась на площадь. Костер дотлевал, люди разбрелись по домам, восславив Господа за избавление от неудобной им соседки. А я еще долго стоял там... Они думали, что я молился, но я проклинал.

А потом ко мне украдкой подошел ее муж с младенцем на руках. На его лице больше не было слез, оно буд-

АЛЕКС РАУЗ

то окаменело в жестокой маске. Быть может, он считал себя праведником, истинным христианином в момент испытания дьяволом.

Он молча поднес новорожденную девочку и отогнул пеленку. Там был тот же знак, что и на матери.

Я подумал, что лучше бы я сжег его.

Но я хорошо умел молчать.

Поэтому я взял младенца в руки и кивнул. Мужчина поклонился и ушел не оборачиваясь.

Той же ночью я уехал, увозя «дитя дьявола» с собой. Мой долг как служителя церкви был в том, чтобы защищать людей от таких, как она. Как ее дитя. Но обычные люди творили гораздо больше зла, чем самая могущественная ведьма, которую я встречал.

Мой долг был в том, чтобы не оставлять этого младенца в живых... Отъехав от деревни на достаточное расстояние, я распеленал ребенка и достал клинок.

Срезал проклятую метку с ее плеча. Она зашлась пронзительным криком — будем считать, что так я очистил ее душу.

На рассвете я оставил ее на пороге ближайшего монастыря.